

Выслушав слова Лу Цзюэ, женщина широко раскрыла глаза. Она никак не ожидала, что события девятилетней давности могут быть вновь подняты. В то время она уже подозревала, что с этим ребёнком что-то не так, но их одержимость идеей завести ребёнка была настолько сильна, что, услышав, что они могут вырастить его, та женщина, рыдая от благодарности, вручила им ребёнка вместе с двумястами золотыми и умоляла вырастить его как следует. Сказав это, она испустила последний вздох.

Изначально они действительно хотели вырастить ребёнка. В то время он был милым и приятным малышом, который всем нравился. Но, словно птица, приносящая вести, на следующий год у них родился собственный ребёнок. Чужой ребёнок стал казаться им чужим, а с появлением своего они начали проявлять предвзятость. Видя, что их собственный ребёнок не такоймышлёный и милый, как приёмный, они начали завидовать и злиться...

Со временем она всё больше убеждалась, что этот ребёнок принесёт в дом большие проблемы, и сегодняшние события подтвердили, что она была права — этот ребёнок действительно оказался несчастьем!

— Го... господин, это правда... но что не так с этим ребёнком? — дрожащим голосом спросила женщина. — Этот несчастный ребёнок сейчас у входа, не знаю, видели ли вы его... Вы можете сделать с ним что угодно! Он не имеет к нам никакого отношения!

Лицо Лу Цзюэ мгновенно стало ледяным. Холодным взглядом он посмотрел на женщину и отдал приказ солдатам в золотых доспехах:

— Общайте.

Солдаты быстро вошли в комнаты. Женщина, покрываясь холодным потом, начала нервничать, а её сын дрожал от страха.

— Господин... что вы делаете?

Лу Цзюэ, не меняя выражения лица, посмотрел на неё и медленно произнёс:

— Этот ребёнок — младший брат нынешнего императора, сын предыдущего императора. Его вещи, ты действительно думаешь, что можешь прятать?

Женщина широко раскрыла глаза и рот, полностью обмякнув на полу.

Один из солдат вышел из комнаты, отдал честь и подал Лу Цзюэ свёрток. Лу Цзюэ одной рукой открыл его, и внутри оказалось несколько золотых слитков и нефритовый жетон. Нефрит был гладким и тёплым на ощупь, и на нём действительно была выгравирована иероглиф «Цяо».

Лу Цзюэ приказал солдатам убрать свёрток и обратился к женщине:

— Вижу, что в то время тебе дали вознаграждение. Твоя семья, вероятно, жила в достатке

благодаря этому золоту. Теперь между тобой и его высочеством всё чисто. Впредь не смей говорить, что ты оказала ему какую-то милость, вырастив его.

Последние слова прозвучали с явной угрозой. Женщина, услышав о статусе Се Цяо, хотела было попытаться устроить скандал, но слова юноши, словно ножи, пронзили её, и она замерла на полу, не смея вымолвить ни слова.

Лу Цзюэ взял Се Цяо на руки и вышел из дома. Женщина и её сын остались лежать в беспорядке на дворе, не в силах произнести ни слова. Всё это время их семья жила за счёт того золота, не заботясь о других источниках дохода. Муж целыми днями играл в азартные игры, и они думали, что смогут прожить на золото до последнего. Теперь, когда золото забрали, через некоторое время они окажутся на грани голода...

Но больше всего её мучила мысль, что если бы они тогда хорошо относились к ребёнку, сейчас их бы ждало... несметное богатство. Но теперь всё потеряно...

Стражи быстро подготовили карету, внутри которой были мягкие подушки и несколько ручных грелок, создавая уют и тепло. Лу Цзюэ, держа Се Цяо на руках, вошёл в карету, уложил его на кушетку и укрыл мягким тёплым одеялом. Когда он собирался уйти, ребёнок схватил его за край одежды.

Лу Цзюэ посмотрел на ребёнка, который пристально смотрел ему в глаза, не говоря ни слова.

Тогда Лу Цзюэ улыбнулся, сел на кушетку и приказал стражам отправляться в путь.

Снаружи шёл сильный снег, и даже через занавеску было слышно, как он падает. Карета медленно двигалась вперёд, сохраняя устойчивость. Се Цяо поел и выпил горячей воды, всю дорогу держась за край одежды Лу Цзюэ. Лу Цзюэ, видя, что ребёнок сидит рядом, уставившись на него, и его веки начинают слипаться, но он не хочет закрывать глаза, не смог сдержать смеха:

— Я так тебе нравлюсь?

— Ты красивый.

Лу Цзюэ рассмеялся ещё громче, взял Се Цяо за воротник и уложил его голову себе на колени. Се Цяо хотел что-то сказать, но тут ладонь Лу Цзюэ, похожая на белый нефрит, опустилась на его глаза, мягко закрывая их. Его ладонь была тёплой, а под ней царил успокаивающая темнота.

— Посмотришь на меня, когда проснёшься.

Голос юноши звучал мягко и успокаивающе, словно мог убаюкать.

И Се Цяо действительно уснул.

— Спи, Цяо. Когда проснёшься, ты увидишь деревья и травы Цзиньлина. Это твой дом. Твои родные ждут тебя.

В туманном состоянии сознания эти слова доносились откуда-то, и Се Цяо не мог понять, из какого они времени. Он только беспокойно хотел спросить: «Ты здесь?», но не мог открыть рот.

Кто-то, казалось, почувствовал его беспокойство, и луч света проник в темноту его сна.

— Я тоже буду здесь, — произнёс тот голос, который приносил ему успокоение.

И тогда брови Се Цяо наконец расслабились. Он действительно спокойно и крепко уснул.

На севере, в Цзичжоу, зима была суровой и безжизненной. Снег падал так обильно, что земля стала похожа на серебристо-белый ковёр. Однако длинная река разделяла север и юг на два разных мира. К югу от реки трава всё ещё была зелёной, и повсюду царила зелень. Хотя чем дальше на юг, тем меньше чувствовался холод севера, но зимой на берегах Янцзы всё равно дул сильный ветер.

Лу Цзюэ, сопровождаемый солдатами в золотых доспехах, вёз Се Цяо на юг в карете. К тому времени, как они добрались до Уичжэня в Чучжоу, уже наступила ночь. Зимние ночи на берегу реки были особенно холодными, и переправляться через реку было небезопасно, поэтому Лу Цзюэ решил остановиться с Се Цяо в гостинице на берегу, чтобы на следующий день пересечь Янцзы.

Переправившись через Янцзы, они окажутся в Цзиньлине.

Лу Цзюэ занял комнату на втором этаже, окна которой выходили на юг. Открыв окно, он почувствовал холодный ветер с реки, а внизу текла широкая река, направляясь на восток. Се Цяо, прислонившись к окну, чувствовал, как ветер развеивает его волосы. Его глаза отражали тёмные воды реки и мерцающие огни на другом берегу. Там был Цзиньлин.

Лу Цзюэ сказал, что Цзиньлин — это родной город Се Цяо, и он говорил это в его первой жизни. Се Цяо, ступив на землю Цзиньлина, сразу полюбил это место. Он думал, что Лу Цзюэ, наверное, не знает, что он любит Цзиньлин не потому, что это его родина, а потому, что в Цзиньлине родился Лу Цзюэ, похожий на бога.

Он только думал о том, что Лу Цзюэ родился здесь, что в те времена, когда он не мог быть рядом, Лу Цзюэ проходил по каждому мосту Цзиньлина, плывал на лодках по каждой реке Хуайшуй, его глаза видели огни города, а его голос восхищался тёплым дымом очагов. Он родился и вырос здесь, и природа и жизнь этого места были в его крови. И Се Цяо не мог не любить это место.

Он с детства видел все оттенки человеческих отношений, и для него любой город, каким бы процветающим он ни был, был холодным. Он считал Цзиньлин тёплым городом только из-за Лу Цзюэ.

— Ты видишь? Это Цзиньлин.

Лу Цзюэ, неожиданно вошедший в комнату, мягко постучал по голове Се Цяо. Возможно, из-за упоминания о родине его голос звучал тепло.

Се Цяо повернулся к нему, и в глазах Лу Цзюэ, похожих на звёзды, отражался свет свечей в комнате, делая их такими тёплыми.

— Красиво? — с улыбкой спросил Лу Цзюэ.

— Красиво, — Се Цяо, глядя ему в глаза, кивнул.

— Завтра ты будешь там, — Лу Цзюэ улыбнулся ещё теплее, поднял Се Цяо с кресла, поставил на пол и закрыл окно. — Так что сейчас не смотри. Зимой окно открыто, тебе не холодно?

— Нормально, — только что сказал Се Цяо, как чихнул.

Лу Цзюэ: ...

<http://bllate.org/book/15506/1377255>